

ОТЧЕТ О КОМАНДИРОВКЕ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ НА МЕЖДУНАРОДНОЕ СОВЕЩАНИЕ СЛАВИСТОВ В БЕЛГРАДЕ В 1955 году

© 2020 г. М.А. Робинсон, А.С. Стыкалин

*Д-р ист. наук, руководитель научного центра Института славяноведения РАН
Канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН*

*m.a.robinson@mail.ru
zhurslav@gmail.com*

Публикуемый отчет советской делегации о результатах международного совещания славистов в Белграде в 1955 г. свидетельствует о том, что отечественному славяноведению удалось освободиться от чрезмерной идеологизации и политизации. Зависимость от навязанных советским руководством подходов повлияла на неудачное представительство советского славяноведения на I Международном съезде славистов в Праге в 1929 г. Столь же неудачной оказалась и попытка построить славистику в «новое славянское движение» при подготовке несостоявшегося съезда славистов из славянских государств в Москве в 1948 г. Намеченная в Белграде программа будущего съезда свидетельствовала о возвращении к филологической проблематике, как основе славистики. Такой подход был определен еще Предварительным съездом русских филологов в Петербурге в 1903 г.

The publication of the report of the Soviet delegation on the results of the international conference of Slavists in Belgrade in 1955 testifies that the Slavic studies in the Soviet Union had freed from the earlier excessive ideologization and politization. Dependence on the approaches imposed by the Soviet authorities made an impact on the unsuccessful representation of the Soviet Slavic studies on the Ist International Congress of Slavists in Prague in 1929. Not less unsuccessful was the attempt to build the Slavic studies into the «new Slavic movement» during the preparation for the later cancelled congress of Slavists from Slavic countries in Moscow in 1949. The programme of the future congress shows the return to the philological problematics as the basis of the Slavic studies. This approach was defined on the Preliminary Congress of Russian Philologists in St. Petersburg in 1903.

Ключевые слова: славистика, международные съезды славистов, марризм, С.Б. Бернштейн, В.В. Виноградов.

Keywords: Slavic Studies, international congresses, Marrism, Samuil B. Bernstein, Viktor V. Vinogradov.

DOI: 10.31857/S0869544X0010424-9

Основной целью Международного совещания славистов, состоявшегося в Белграде 15–21 сентября 1955 г., являлась подготовка очередного, четвертого, международного съезда славистов.

К 1955 г. организация, проведение и участие в этих съездах отечественных ученых имели долгую и непростую историю. Сама идея проведения подобных международных конгрессов родилась в России. Ее инициатором выступило Отделение русского языка и словесности Академии наук (ОРЯС). Еще в апреле 1903 г. для выработки программы будущего съезда в Петербурге был проведен «Предварительный съезд филологов». На съезде обсуждались научные проблемы и научно-организационные проекты, решение которых планировалось на длительную перспективу (в литературе наиболее подробные сведения см. [1. С. 17–32]). Все их предполагалось предложить для обсуждения и на международном съезде. Созданная после съезда специальная комиссия утвердила и программу съезда, его дату и даже успела разослать приглашения российским и зарубежным ученым. Первоначально предполагалось более 700 участников, но окончательно остановились на приглашении 219 человек [2. С. 156]. Съезд планировалось провести с 31 августа по 10 сентября 1904 г., но начавшаяся русско-японская война нарушила эти планы. Новой намеченной дате проведения в 1906 г. уже помешала революция. В результате съезд в России так и не состоялся.

В создавшейся в 1920-е годы обстановке ОРЯС не могло и помыслить повторить попытку созыва съезда в Советской России. Так, в отчете о деятельности в 1922–1923 г. Отделение констатировало «нерасположенность со стороны властей ко всему славянскому» [3. Л. 5], при этом также не без сарказма отмечалось, что «такие слова, как “славянское”, “библия” в известных сферах в настоящее время возбуждают такой же страх, как “жупел” и “металл” у московских купчих времен Островского» [3. Л. 4].

Инициатива проведения съезда перешла Чехословакии, в которой развивались славистические исследования, отчасти не без влияния русских ученых-эмигрантов. В 1921 г. в Праге начал выходить международный славистический журнал «Slavia». Проведение Первого международного съезда славистов было решено приурочить к 100-летию со дня смерти Й. Добровского, о чем В.А. Францев сообщил 19 ноября 1928 г. академику М.Н. Сперанскому, участнику Предварительного съезда 1903 г.: «В окт[ябре] 1929 устраиваем Съезд славянских филологов в память Добровского. Столетие его смерти (6 янв[аря] 1929) почтим торж[ественным] заседанием ученых обществ и изданием (со временем) сборника статей о Добровском. — *Těšim se, že navštívíte, že bude našim hostem na siezdu*»¹ [4. Л. 19].

Организаторы съезда с конца 1928 г. начали рассылку личных приглашений известным русским славистам. Так, Г.А. Ильинский сообщил 5 января 1929 г. М.Г. Попруженко, своему постоянному адресату в Болгарии: «На днях я имел честь получить приглашение на I Съезд славистов. Хотя получить командировку в наст[оящее] время чрезвычайно трудно, я все-таки попытаю счастья» [5. С. 145].

Академики П.А. Лавров и Б.М. Ляпунов, так же как и Сперанский, принимавшие участие еще в Предварительном съезде 1903 г., подали официальные прошения о командировках. В протоколе Отделения гуманитарных наук

¹ «Я надеюсь, что вы посетите нас и будете нашим гостем на съезде».

от 11 января 1929 г. зафиксировано: «§ 42. Академик-секретарь доложил о желательности командирования на Съезд Славянских Филологов, имеющий состояться в Праге с 6—13 октября 1929 г., П.А. Лаврова и Б.М. Ляпунова». Каких-либо возражений на уровне Отделения не возникло: «Положено: признать желательным и передать в Президиум» [6. Л. 4].

Ильинский 30 апреля поинтересовался у Ляпунова: «Есть ли надежда, что Вы и П.А. Лавров осуществите Ваше намерение съездить в Прагу в этом году? У нас только на днях в Главнауке будут решать принципиально вопрос о командировках на Съезд, но, конечно, я не смею и мечтать об этом счастье» [7. Д. 117. Л. 208об.]. Сомневался в своих возможностях и Н.Н. Дурново, хотя в это время он еще числился академиком Белорусской академии наук. Он смог лишь отправить в Прагу свой доклад.

Дата начала съезда приближалась, а определенности в составе делегации все еще не было. Ученые начали проявлять естественное беспокойство. Так, Лавров интересовался у Ляпунова в конце августа 1929 г.: «Не получен ли ответ по вопросу об участии русских ученых на съезде в Праге. Я пишу о том же и Е[вфимию] Ф[едоровичу] (Карскому.— М.Р., А.С.) [7. Д. 171. Л. 101]. Академик Карский также был участником Предварительного съезда 1903 г.

Как видно из переписки, несколько известных славистов, бывших еще участниками Предварительного съезда 1903 г. и обладавших международным авторитетом, предприняли попытки попасть на Съезд славистов. И вот, наконец, настал канун Съезда и с ним полное разочарование практически всех представителей русского академического славяноведения. Никому из них командировок не дали. Осталась только возможность заочного участия как, например, у Н.Н. Дурново. А в сборнике в честь юбилея Й. Добровского опубликовали статьи Лавров [8. S. 193—234] и Ляпунов [9. S. 114—137].

Ильинский эмоционально писал Ляпунову 5 октября 1929 г.: «Чуть не в последнюю минуту Главнаука назначила представителями московских славистов на Съезде славистов в Праге Сакулина (это еще куда ни шло) и... Волгина, специалиста по истории социализма! А из П[етрограда] кто едет?» [7. Д. 117. Л. 227]. Столь поздние сроки формирования делегации привели к тому, что доклады участников не попали в напечатанную программу съезда, а были присоединены к ней дополнительно [10. S. 13].

Как видно, решение о московском представительстве было чисто политическим. П.Н. Сакулин, в январе 1929 г. избранный академиком и отличавшийся и до революции левыми взглядами, развивал теорию «социологизма», попал в категорию «попутчиков» и располагал доверием властей. Кандидатура В.П. Волгина, не имевшего ни малейшего отношения к славистике, в данном случае действительно выглядела столь странно, что, по-видимому, вызвала в более высоких, чем отдел Наркомпроса, властных сферах решение на съезд его все-таки не посылать.

Итак, Первый международный съезд славистов прошел в назначенное время, с 6 по 13 октября 1929 г. Вскоре после возвращения, 29 октября, на заседании Отделения гуманитарных наук (ОГН) «ак[адемик] П.Н. Сакулин сделал краткое сообщение о работах Конгресса Славянских Филологов в Праге [в] 1929 году, на котором он возглавлял Советскую научную Делегацию» [6. Л. 47об.]. Позже, 3 апреля 1930 г., Сакулин выступил на Отделении гуманитарных наук со специальным докладом «Литературоведение на I Конгрессе филологов-славистов». Он сообщил, что делегация, прибывшая на Съезд,

состояла из семи человек, «председателем делегации (по назначению Отдела научных учреждений Совнаркома) был я; далее от РСФСР — С.Н. Быковский (из Вятки), Н.С. Державин и Н.М. Каринский; от Украины К.Т. Нимчинов и С.В. Пилипенко; от Белоруссии П. Аф. Бузук» [11. С. 415].

Из выступлений делегации Сакулин выделил доклад с методологическими новациями: «Особое место занял доклад Н.С. Державина с яфетической окраской “Перун в языковедении и в фольклорных переживаниях у славян”» [11. С. 421].

Почти обо всех участниках Съезда от Советского Союза мы можем обнаружить сведения и оценки в переписке славистов (и прежде всего Ильинского), не получивших разрешения посетить Прагу. Уже 27 октября 1929 г. Ильинский возмущенно написал Ляпунову: «Теперь окончательно выясняется: состав советской делегации в Прагу был назначен Марром. Только этим можно объяснить, почему в ее состав попал никому не известный Быковский из Перми²: он читал в Праге доклад о происхождении славян от яфетидов!! Странен также состав укр[аинской] делегации: она состояла из Нимчинова и никому не известного Пилипенка!» (цит. по: [12. С. 228]).

Сразу можно отметить, что собственно ученых, которых можно отнести к славистам, в делегации было немного. Державин, активный приверженец учения Марра, авторитетом среди славистов явно не пользовался. «От статей Державина и Быковского у меня волосы на голове буквально стали дыбом», — писал Ильинский Ляпунову. Он прямо называл эти доклады «ерундой» [7. Д. 117. Л. 346об.].

Труды С.Н. Быковского, воинствующего марриста, к славистике и в целом к академической филологической науке отношения не имели. С.В. Пилипенко, писатель, публицист, борец за возрождение украинской культуры, был фигурой очень заметной в общественной жизни Украины. В конце 1920-х годов являлся директором научно-исследовательского института Тараса Шевченко в Харькове, но единственным его достижением в славистике остались несколько лет учебы в Киевском университете (1909—1912), откуда он был исключен за революционную деятельность. К.Т. Нимчинов, национально ориентированный лингвист, занимался изучением истории украинского языка, возводя его непосредственно к праславянскому. Кстати, следует отметить, что никаких следов участия двух украинских делегатов в деятельности съезда обнаружить не удалось. Их нет ни в программе съезда, ни в числе авторов опубликованных докладов, ни в изданиях, подготовленных к съезду.

С полным основанием к славистам можно отнести Н.М. Каринского, участника Предварительного съезда 1903 г., и П.А. Бузука. Но и тот и другой стремились быть на хорошем счету у властей, что не могло остаться незамеченным их коллегами. Репутация Каринского в академических кругах уже давно была неважной (см., например, [13. С. 205—206]). Это подтвердило и его поведение на съезде при обсуждении предложения организовать международную комиссию по созданию Славянского лингвистического атласа. На специальном закрытом заседании делегации «Н.С. Державин решительно выступил против участия советских ученых в совместной работе с зарубежными лингвистами, отрицающими новое учение о языке Н.Я. Марра. Н.С. Державина поддержали Н.М. Каринский и руководитель делегации литературовед П.Н. Сакулин» [14. С. 6]. Правда, через полтора года после съезда Бузук попытался

² С.Н. Быковский был доцентом в Педагогическом институте им. В.И. Ленина в г. Вятке.

включиться в международный проект атласа, возглавив его с советской стороны, но у него ничего не получилось (см.: [15. С. 603–606]).

Можно смело утверждать, что отправленная на съезд делегация не могла достойно представить достижения отечественного славяноведения, так как формировалась из соображений политико-идеологических. Совершенно ясно, что на фоне почти двух десятков представителей русской научной эмиграции, участвовавших в съезде, она выглядела очень слабо. Поэтому особого интереса у зарубежных славистов делегация от Советского Союза не вызвала.

Единственным сколько-нибудь полезным эффектом от участия советской делегации в съезде было то, что большой международный славистический форум, судя по всему, произвел на Сакулина, чьи научные интересы с данной областью филологии до этого не пересекались, большое впечатление. Это сказалось на его позиции при обсуждении вопроса о перспективах институционализации славяноведения в ОГН АН СССР. ОРЯС прекратило существование в 1927 г., поэтому идея создания какого-либо подразделения, которое объединило бы славистов, начала обсуждаться на заседании Группы по языковедению и литературе (ГЯЛ) при ОГН весной 1929 г. Когда на заседании ГЯЛ 19 декабря 1929 г. было предложено создать Институт русского языка и в качестве одного из его подразделений Институт славяноведения, то «П.Н. Сакулин выдвинул идею организации специального Института по славяноведению параллельно с Институтом русского языка и словесности» [6. Л. 23].

Во втором (Варшава, Краков 1934 г.) и третьем (Белград, 1939 г.) международных съездах славистов ученые Советского союза участия не принимали. К тому же полностью подготовленный Белградский съезд не состоялся из-за начавшейся войны.

В первые послевоенные годы в рамках «нового славянского движения» [16. С. 175–178] возникла идея проведения съезда славистов. Резолюция о проведении такого съезда была принята на Славянском конгрессе в Белграде в 1946 г., его подготовку взял на себя Славянский комитет СССР (о подготовке конгресса см. [17. С. 412–423]). Оргкомитет возглавил ректор ЛГУ экономист А.А. Вознесенский, проведение съезда назначили на октябрь–ноябрь 1947. Состав Оргбюро по подготовке съезда утверждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б).

С самого начала было очевидно, что в основу будущего мероприятия положены политико-идеологические цели, научная составляющая этого мероприятия должна была продемонстрировать успехи «передовой методологии и теории». Рекомендовалось отсеивать слабые в «идеологическом отношении» доклады. Как писал Вознесенский: «Целью Конгресса мы ставим – добиться коренного перелома в методологии работ по славяноведению, очистить славяноведение от буржуазных и реакционных теорий» (цит. по [17. С. 418]). Документы, посвященные подготовке съезда, изобилуют формулировками о «марксистской и коммунистической направленности Конгресса», о «стремлении будущих докладчиков “быть на высоте требований боевой марксистской науки”» [17. С. 417].

На заседаниях Президиума Славянского комитета СССР, пленумах Общеславянского комитета (ОСК), совещаниях в ЦК ВКП(б) неоднократно обсуждались возможные темы и намечались доклады и докладчики. Организация съезда находилась не в руках научного сообщества, хотя и с привлечением видных ученых-славистов, что вело к выстраиванию программы в зависимости от реакции партийных органов. Те, в свою очередь, часто меняли свои

представления о необходимости той или иной секции съезда. Так, на Пленуме ОСК в программу съезда предложили включить секции экономическую и юридическую как особо актуальные. Докладчиком по теме «Экономическое строительство в славянских странах» был предложен небезызвестный Д.Т. Шепилов, в те годы сотрудник аппарата ЦК. 23 марта 1948 г. предложение поддержали в ЦК, а уже 15 апреля А.А. Жданов, член Политбюро, секретарь ЦК, ответственный за идеологию и внешнюю политику, решительно отклонил правомерность подобных секций в программе съезда славистов. С этим решением нельзя не согласиться, хотя оно было продиктовано, прежде всего, политическими и идеологическими соображениями. Также были исключены из программы секции философии и географии. В окончательной программе остались секции: история, филология, археология, этнография и фольклор, искусствоведение, педагогика.

В процессе обсуждения то возникали новые формулировки задуманных докладов, то предложенные темы отменялись. Недолгое время продержалась и тема доклада ближайшего последователя Марра академика И.И. Мещанинова «Учение академика Н.Я. Марра и его роль в современном языкознании» [17. С. 417].

В связи с началом практической работы по подготовке съезда несомненный интерес представляют дневниковые записи С.Б. Бернштейна. 6 мая 1947 г. он записал в дневнике: «Ректор Ленинградского университета Вознесенский решил провести в нашей стране Международный съезд славистов. Пока еще не ясно — будет международный съезд или международная конференция. Дело в том, что съезд организует не страна, а Международный комитет, в состав которого входят представители различных стран. Международную конференцию может организовать и провести отдельная страна. Не думаю, что в ближайшее время возможно организовать четвертый конгресс славистов. Вероятно, все ограничится конференцией. На днях я об этом говорил Вознесенскому, который не совсем ясно понимал правовую сторону затеи. Он просил меня принять активное участие в разработке лингвистической тематики. Я указал на сложность поручения в связи с существующими расхождениями во взглядах советских лингвистов. *«Я не принадлежу к сторонникам “нового учения о языке”*, — сказал я Вознесенскому. Ответ его был для меня совершенно неожиданным. *“Вот поэтому я и прошу вас помочь мне”*, — сказал Вознесенский. И это сказал ректор университета, где, говорят, сильны позиции сторонников Марра. Удивительно!» [18. С. 103].

Выдвижение в программе съезда на первое место исторической секции было явным новшеством для сторонников традиционного понимания славяноведения как филологической дисциплины. Поэтому для их переубеждения использовались идеологические аргументы. Эту ситуацию отметил в дневнике Бернштейн 1 ноября 1947 г.: «Неожиданно возник вопрос о роли историков-славистов в предстоящем конгрессе. Остро этот вопрос у нас в институте³ поставил И.И. Удальцов. Он считает, что историки должны участвовать в конгрессе на равных правах с филологами. Эту же точку зрения разделяют некоторые историки за пределами нашего Института. Сложившаяся традиция говорит против участия историков. Удальцов вопит, что это традиция буржуазной науки, что она очевидно антимарксистская традиция. Посмотрим» [18. С. 114].

К первоначально назначенной дате съезда подготовиться не успели, окончательное решение по составу Оргбюро съезда, а также перенос начала съезда на

³ Имеется в виду Институт славяноведения АН СССР.

апрель-май 1948 г., были санкционированы Политбюро 9 октября 1947 г. Очевидно, что новую дату съезда предложили его организаторы. Так, например, Бернштейн уже 16 сентября был в курсе предстоящего ее переноса. В этот день он отметил в дневнике удачно сложившиеся перспективы с изданием своей докторской диссертации: «Монография попала в список книг, которые должны быть опубликованы к предстоящему съезду славистов (т.е. до 15 апреля будущего года)» [18. С. 112]. Книга действительно была издана в 1948 г. [19]

Вознесенский, утвержденный главой Оргкомитета, делился информацией с теми учеными, которых он планировал привлечь к практической работе по подготовке съезда. 28 октября Бернштейн записал в дневнике: «Вознесенский сообщил, что состоялось решение о проведении очередного съезда славистов в Москве. Установлен срок (15–21 апреля 1948 г.). Он показал мне список Оргкомитета по подготовке съезда. Почетным председателем утвержден академик Державин, председателем – Вознесенский [...]. Ответственными секретарями за подготовку лингвистической части конгресса утверждены Бархударов и я. Была попытка проташить в секретариат Сердюченко⁴, но Вознесенский решительно отверг эту кандидатуру. “Этот специалист по кавказским языкам нам не нужен”, – сказал Вознесенский. Я не раз замечал, что Вознесенский не жалуется марристов» [18. С. 114].

Бернштейн решил использовать удачно складывавшуюся конъюнктуру, чтобы связать с подготовкой к съезду и издание своей второй монографии. «Я принял решение, – записал он в дневнике 2 ноября, – выступить на конгрессе с докладом “Проблема македонского языка”. Проблема острая, злободневная, интересная. Работа над книгой “Македонский язык” подходит к концу. До конца года проведу рукопись через Совет Института. Остается мало времени для публикации, но Греков обещал, что книгу будут набирать молнией» [18. С. 114].

Шла работа не только по составлению программы съезда, но и по определению будущего состава его участников. Первоначальные планы пригласить хотя бы в качестве гостей видных славистов из капиталистических стран, а также известных русских ученых-эмигрантов были отвергнуты. В окончательный список, утвержденный ЦК, никто из них не вошел. Всего гостей предполагалось 21, из них от неславянских стран – десять человек, девять человек от стран «народной демократии» и один финн [20. С. 196]. Делегатами съезда могли быть только ученые из славянских стран, желательны состоявшие членами соответствующих коммунистических партий. Так, например, в делегации Болгарии из 25 человек 19 были членами компартии [17. С. 420].

Проблемы возникли и с формированием состава докладчиков с советской стороны. Так, предполагавшемуся докладу академика Е.В. Тарле дважды меняли название и, в конце концов, просто сняли. Иногда и намеченные авторы сами отказывались от выступлений, другие докладчики у славистов вызывали удивление. Как отмечал Бернштейн 20 февраля 1948 г.: «Подготовка к съезду проходит ужасно. Виноградов отказался читать доклад. О преподавании славянских языков будет делать доклад... Сердюченко. Также отказался читать доклад и Волгин» [18. С. 122].

После нагоняя, полученного организаторами от Жданова, перенос съезда стал очевиден. И по указанию Политбюро 2 апреля была назначена новая дата – 18 июня 1948 года. Очередной перенос новой даты открытия съезда

⁴ Г.П. Сердюченко (1904–1965) – исследовал кавказские языки, занимался вопросами методики преподавания языков, активный маррист.

и качество его практической подготовки вызывали сомнения в реальности этой даты. Бернштейн уже 4 апреля отметил: «Съезд славистов отложен. Предполагается провести его в июне. Думаю, что его проведут осенью» [18. С. 122]. А менее чем за месяц до назначенной даты, 23 мая Бернштейн записал: «Определились, как будто, мои выступления на Славянском съезде. [...] Со съездом все еще неопределенно». Руководство подготовкой явно вызывало у автора дневника раздражение. До начала съезда оставались считанные дни, а глава Оргкомитета, назначенный в начале года министром просвещения РСФСР был, по его мнению, к нему не готов. В дневнике – краткая и экспрессивная запись от 29 мая: «Вчера был на заседании у Вознесенского по случаю предстоящего съезда славистов. Министр говорил вздор и чепуху». Похоже, что министр обосновывал очередное откладывание начала съезда, которое и было объявлено 4 июня. Этот перенос вызвал уже полное разочарование. «Съезд перенесен на осень, – записал 8 июня Бернштейн. – Все понимают, что это фактически означает отмену съезда. Жаль времени, которое я и многие другие потратили на всю эту затею» [18. С. 124]. Но очень хотелось надеяться, что съезд все-таки будет, тем более, что с ним связывались определенные планы. 20 июня Бернштейн записал: «Обнорский согласился редактировать мою книгу “Очерки по македонскому языку”. Хотел бы издать ее к съезду, который, кажется, все же состоится осенью» [18. С. 125].

Но, ни то ни другое не состоялось. Тлевший несколько месяцев политико-идеологический конфликт между КПЮ и ВКП(б) как раз в июне 1948 г. привел к полному разрыву отношений между СССР и Югославией. Проводить в таких условиях съезд не представлялось возможным, и он был отменен. Этот же конфликт привел и к тому, что «Очерк македонского языка» Бернштейна так и не был опубликован [21. С. 23–26].

Так как съезд не состоялся, то трудно однозначно ответить, смог ли бы он способствовать научному сотрудничеству славистов славянских стран. Слишком глубоко в его программу и принципы подготовки были заложены политико-идеологические цели. Съезд предполагал, как уже указывалось выше, участие в нем только представителей славянских стран, поэтому считать его продолжателем традиции Международных съездов славистов не приходится.

Неудача с организацией этого съезда не уничтожила саму идею проведения международных съездов славистов. Началу очередной работы по подготовке съезда на этот раз поспособствовало потепление советско-югославских отношений. Уже с весны 1954 г. предпринимались первые шаги в этом направлении. Наконец, встреча на высшем уровне была намечена на конец мая, и с 27 мая по 2 июня состоялся визит Н.С. Хрущева во главе советской делегации в Белград в целях полного примирения с руководством Югославии. Начало первого этапа подготовки съезда совпало с этим временем. Как отметил 25 мая 1955 г. в дневнике Бернштейн: «В сентябре в Белграде состоится международное совещание славистов. Меня, конечно, в состав нашей делегации не включили. Славистов в ней будет представлять Ю.С. Маслов, который выступит с докладом об изучении западных и южных славянских языков в СССР в последний период» [18. С. 197]. Очевидно, и здесь помешали какие-то сиюминутные политические соображения. Об этом свидетельствует запись в дневнике от 15 сентября, в ней же есть указания и на время подготовки состава делегации: «Жаль, конечно, что я не вошел в состав делегации на белградскую конференцию. Перед отъездом Виноградов намекнул мне, что при

современной ситуации я попал бы в состав делегации. Однако состав определялся еще в начале года» [18. С. 199].

Совещание в Белграде проходило с 15 по 21 сентября 1955 г., в нем участвовали слависты из 18 стран. Первостепенная задача этого совещания состояла в организации Международного комитета славистов, который взял бы на себя подготовку очередного, четвертого съезда славистов. Из «Отчета о командировке советских славяноведов на международное совещание славистов в Белграде» видно, какую серьезную работу отечественные слависты проделали при подготовке этой встречи. С научно-организационной стороны совещание прошло успешно, был избран Международный комитет, намечена Программа, изложенная в основном в докладе главы советской делегации академика В.В. Виноградова. Определено место проведения съезда, с которым случилась небольшая заминка. Болгарская делегация первая предложила провести съезд в 1957 г. в Софии, наша предложила Москву и 1958 г. Последнее предложение и получило общую поддержку.

Научная часть командировки была подготовлена безукоризненно, делегация являлась единственной, которая привезла с собой печатные тексты своих выступлений. Кроме того, доклады пяти предполагавшихся участников были опубликованы Издательством АН СССР в виде небольших брошюр. Что же касается практической стороны командировки, то ее организация может быть свидетельством того, что никаких особых идеологических заданий перед делегацией не ставилось. Это можно считать, с одной стороны, безусловным, положительным явлением, характеризовавшим серьезное отличие от атмосферы подготовки несостоявшегося съезда 1948 г. Но с другой, это же обстоятельство доставило делегатам много проблем. Так, из 12 приглашенных в Белград ученых разрешение получили только шесть человек. Прибыть туда вовремя удалось трем, остальные с большими сложностями добрались только на третий день работы совещания. Опоздала и доставка книг для выставки работ советских славистов. Глава делегации В.В. Виноградов посчитал необходимым отметить «невежественно-небрежное и бюрократическое отношение советского посольства в Югославии во главе с новым послом Н.П. Фирюбиным к нуждам и делам делегации советских славяноведов». Участник совещания М.П. Алексеев, один из тех, кто опоздал на совещание, и чей доклад «Славянские источники “Утопии” Т. Мора» вызвал большой интерес у западных коллег-славистов, отметил в отчете, что посольство «проявило явное равнодушие как к совещанию вообще, так и к советским делегатам». Проблема, очевидно, заключалась в том, что в новых условиях в Москве не придавали совещанию никакого политического значения, считая его достаточно второстепенным научным мероприятием, а потому ни чиновники в Москве, ни посольство не получили сверху установок уделять как самому совещанию, так и участию в нем советской делегации сколько-нибудь значительное внимание.

Следует отметить, что предложенные для обсуждения на будущем съезде проблемы относились исключительно к области филологической науки. Это реализовалось в его программе [22. С. 122–159], вопрос об участии в съезде историков даже не ставился. Таким образом, IV Международный съезд славистов должен был стать прямым продолжателем традиций предшествующих съездов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Лантвева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX вв. М., 2012.
2. Лантвева Л.П. Несостоявшийся форум русских славистов // Славянский альманах 2013.

3. СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1131.
4. СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 312.
5. Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи. София, 1968.
6. СПбФ АРАН. Ф. 1. Д. 1–1929. Д. 253.
7. СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2.
8. *Лавров П.А.* Труды Добровского по вопросам древнеславянской письменности и их влияние на труды русских ученых в той же области // Josef Dobrovský. 1753–1829. Sborník statí k stému výročí smrti Josefa Dobrovského. K 1. sjezdu slovanských filologů v Praze (6.13.X.1929). Praha, 1929.
9. *Лянунов Б.М.* Добровский и восточнославянские языки // Josef Dobrovský. 1753–1829. Sborník statí k stému výročí smrti Josefa Dobrovského. K 1. sjezdu slovanských filologů v Praze (6.13.X.1929). Praha, 1929.
10. I Sjezd slovanských filologů v Praze 1929. Bibliografie. Praha, 1968.
11. *Сакулин П.Н.* Литературоведение на I Конгрессе филологов-славистов // Известия АН СССР. VII Секция. Отделение Гуманитарных наук. 1930. № 6.
12. К истории создания второго издания «Праславянской грамматики» Г.А. Ильинского / Вступ. ст. и подг. текста Г.С. Баранковой // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2(4).
13. *Алпатов В.М.* Филологи и революция // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. (раздел «Вариант второй: конформисты»).
14. *Бернштейн С.Б.* Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Критические заметки // Вопросы языкознания. 1990. № 6.
15. *Робинсон М.А.* Первый Международный съезд славистов: несбывшиеся надежды, обмен мнениями ведущих русских славистов до и после съезда // Письменность, литература, фольклор славянских народов и история славистики. XV Международный съезд славистов (Минск, август 2013 г.). Доклады российской делегации. М., 2013.
16. *Досталь М.Ю.* «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // Славянский альманах. 1999. М., 2000.
17. *Досталь М.Ю.* Как феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М. 2009.
18. *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М. 2002.
19. *Бернштейн С.Б.* Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. 1. Язык валашских грамот XIV–XV веков. М.; Л. 1948. Т. 1. Язык валашских грамот XIV–XV веков.
20. *Досталь М.Ю.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве Первый общеславянский съезд славистов // Славянский вопрос: Вехи истории. М. 1997.
21. *Булатова Р.В.* О судьбе книги С.Б. Бернштейна «Очерки по македонскому языку // Филологический сборник памяти профессора Самуила Борисовича Бернштейна: К пятилетию со дня кончины / Под ред. В.П. Гудкова и С.С. Скорвида. М., 2002.
22. Программа IV Международного съезда славистов // IV Международный съезд славистов. Отчет. М., 1960.

Отчет о командировке советских славяноведов на международное совещание славистов в Белграде⁵

1.

На международное совещание славяноведов в Белграде, происходившее с 15 сентября по 21-е включительно, была направлена Академией Наук СССР делегация филологов в составе 6 человек (хотя приглашалось от Советского Союза 12 ученых).

Членами советской делегации были следующие научные работники: акад. В.В. Виноградов (глава делегации, ездивший в Белград в сопровождении жены), директор института славяноведения АН СССР проф. П.Н. Третьяков, директор Института языкознания АН СССР проф. В.И. Борковский,

⁵ Отчет был заслушан на Бюро ОЛЯ, далее он был направлен в Президиум АН СССР и ЦК КПСС.

член-корр. АН СССР М.П. Алексеев, профессор Московского госуд. Университета А.С. Мясников, кандидат филологических наук, доцент Ленинградского госуд. Университета Ю.С. Маслов. В количественном отношении наша делегация уступала делегациям Великобритании (8 человек), Польши (8 чел.), Чехословакии (7 чел.) и Франции (7 чел.). Шесть славистов представляли также Западную Германию.

В Белград наша делегация прибыла к началу съезда не в полном составе. На самолет 13-го сентября не удалось достать билетов для трех ее членов: М.П. Алексеева, Ю.С. Маслова и А.С. Мясникова. Эти лица смогли приехать в Югославию лишь 17-го сентября, т.е. к началу третьего дня работы международного совещания. Между тем, именно в первые дни славистического съезда происходили выборы рабочего комитета его и решались основные организационные вопросы. Поэтому никто из опоздавших членов нашей делегации не имел возможности принять активное участие ни в деятельности рабочего комитета, ни в обсуждении организационных вопросов, хотя, по моему предложению, член-корр. АН СССР М.П. Алексеев был включен в состав рабочего комитета Белградского международного совещания славяноведов. Вся тяжесть участия в организационной работе пала на меня (акад. В.В. Виноградова) и проф. В.И. Борковского.

2.

Рабочий комитет съезда обсуждал и фактически решил (так как пленум съезда автоматически одобрял все выдвигаемые рабочим комитетом предложения) очень важные, очень ответственные вопросы. Эти вопросы следующие:

1) Вопрос об учреждении «Международного комитета славистов» и об избрании его членов. В этот комитет избраны 12 членов и 12 заместителей (от разных стран). От Советского Союза членом выбран я, заместителем проф. В.И. Борковский.

Во время обсуждения состава «Международного комитета славистов» американская делегация, состоявшая в основном из эмигрантов из европейских стран (проф. Гарвардского Университета Р.О. Якобсон — из России, проф. В. Ледницкий — из Польши), требовала двух мест для Соединенных Штатов Америки в Интернациональном комитете, допуская возможность такого же количественного представительства и для Советского Союза. Эта попытка, развязно мотивируемая стремительным ростом славяноведения в разных университетах Америки, была поддержана некоторыми делегациями (напр., Италии, Югославии), но встретила решительные и обстоятельно аргументированные возражения с моей стороны, а затем со стороны чешского академика Б. Гавранка и болгарского акад. В. Георгиева и, вследствие этих возражений, была отвергнута.

2) Вопрос о месте и сроке созыва следующего международного конгресса славистов и о председателе международного комитета славистов.

Было предложение, сразу же выдвинутое болгарской делегацией, о созыве конгресса славистов в 1957 году в Софии. Однако, когда я — в соответствии с указаниями Президиума Академии наук — предложил устроить следующий славистический конгресс в Москве в 1958 году, мое предложение, встреченное аплодисментами, было принято единогласно.

Не встретила возражений и подробно изложенная мною актуальная проблематика будущего съезда («Основные этапы и закономерности развития реализма в славянских литературах», «Взаимоотношения и взаимодействия славянских литератур друг с другом и с литературами других народов», «Эпос у славянских народов», «Основные вопросы возникновения и развития славянских литературных языков», «Задачи исторической диалектологии славянских языков (в связи с работой над составлением диалектологических атласов славянских языков)», «Центральные, главные проблемы сравнительно-исторической лексикологии и семасиологии славянских языков», «Новые данные о происхождении славянских языков и народов»).

В связи с принятием предложения о созыве международного конгресса славистов в Москве — председателем международного Комитета славистов на ближайшие годы избран я (акад. В.В. Виноградов).

3) Вопрос об организации и издании ежегодных библиографических справочников по славянскому литературоведению и языкознанию.

Признано целесообразным, чтобы ежегодно составляемые в славянских странах библиографические указатели лингвистических работ по славяноведению направлялись в журнал «Rocznik Slawistyczny», издаваемый в Кракове. По неславянским странам такого рода библиография будет составляться в Швейцарии под руководством проф. Диккенмана. Таким образом, для регулярного и точного выполнения обязательств в этом отношении или при Институте славяноведения или при Отделении литературы и языка АН СССР должна быть организована библиографическая комиссия (со штатными сотрудниками). На эту же комиссию следует возложить и издание ежегодных библиографических справочников и указателей по славянскому литературоведению (т.е. по изучению истории славянских литератур, в том числе и русской) в Советском Союзе.

Дело в том, что на Белградском совещании признано в высшей степени важным и желательным систематическое издание библиографий по изучению славянских литератур — самостоятельно в каждой отдельной стране. Библиографический же центр по славянскому литературоведению в неславянских странах будет организован в Голландии (в Лейдене).

4) Вопрос об обращении к правительствам своих стран с просьбой об установлении культурной конвенции, облегчающей материальные и иные условия обмена студентами, лекторами и профессорами славяноведческого цикла.

Само собой разумеется, что все эти вопросы должны быть обсуждены на заседании Президиума Академии наук СССР и получить тот или иной отклик. Во всяком случае, а) необходимо образовать у нас рабочий организационный комитет по подготовке Международного съезда славистов, по выделению тем центральных докладов, которые будут представлены советскими учеными, по обеспечению мер общего подъема у нас славяноведческой филологической науки.

б) Необходимо организовать библиографический центр по славяноведению.

в) Хорошо бы до съезда издать два-три славяноведческих ежегодника с широким привлечением зарубежных ученых.

г) Необходимо определить наше отношение к интернациональному комитету славистов, председателем которого я являюсь, и определить желательные сроки его подготовительных совещаний и возможные места их созыва в славянских странах.

Что касается публичных открытых заседаний Международного совещания славистов и докладов на этих совещаниях, то здесь не было ни стройного порядка, ни продуманной программы. На все это было предназначено четыре дня: 17–18 сент. и 20–21 сентября. 17 и 18 сентября читались доклады, освещающие положение и развитие славистики в отдельных странах (за последние 10 лет). Члены нашей делегации представили 5 напечатанных книжек с своими информационными докладами и роздали их делегатам разных стран и всем участникам съезда. Эти брошюры (некоторые из них объемом до пяти печатных листов) следующие:

1) В.В. Виноградов. Изучение русского литературного языка в пределах СССР за последнее десятилетие.

2) В.И. Борковский. Разработка вопросов исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков в СССР за последние десять лет.

3) Ю.С. Маслов. Изучение южнославянских и западнославянских языков в СССР за последнее десятилетие.

4) Д.С. Лихачев. Изучение древнерусской литературы в СССР за последние десять лет.

5) А.С. Мясников. Изучение русской литературы XVIII–XX вв. в СССР за последние десять лет.

Представление докладов в печатном виде сыграло очень большую роль. Прежде всего оно дало возможность читать лишь два обобщающих доклада:

В.В. Виноградов. Изучение славянских языков в СССР за последнее десятилетие.

А.С. Мясников. Изучение русской художественной литературы XVIII–XX вв. в СССР.

Оба доклада вызвали большой интерес и, как это подчеркивалось в целом ряде выступлений, были признаны очень ценными, очень важными.

Ни одна из делегаций других стран не привезла печатных докладов. На наши брошюры был очень большой спрос. Пришлось оставить значительное количество их для других югославских университетов, кроме Белградского, а также для университетских библиотек разных стран народной демократии.

Яркой иллюстрацией к характеристике развития советского славяноведения была книжная выставка советских трудов по славистике, устроенная советской делегацией в Сербской Академии Наук.

Так как книги эти из Советского Союза пришли не во время (с опозданием), то устройство этой выставки потребовало от членов нашей делегации затраты больших нервных и физических сил.

В этой и во всякой другой связи следует отметить невежественно-небрежное и бюрократическое отношение советского посольства в Югославии во главе с новым послом Н.П. Фирюбиным к нуждам и делам делегации советских славяноведов. Обращаться за помощью к этому посольству было бесполезно и затруднительно.

Кроме информационных докладов акад. В.В. Виноградова и проф. А.С. Мясникова, был сделан также на пленарном заседании славистического

совещания проф. П.Н. Третьяковым доклад о научной деятельности Института славяноведения АН СССР.

Югославская пресса дала всем докладам советских делегатов очень положительную оценку. Наши доклады отличались не только широтой и полнотой библиографического обзора, но и историческими обобщениями, формулировкой важнейших проблем науки и путей их конкретно-исторического решения.

4.

Последние два дня работы съезда были посвящены докладам на индивидуальные темы. Дискуссий по докладам не было. В этом нельзя не увидеть большого организационного недостатка совещания. Происходило своеобразное и при том довольно беспорядочное публичное чтение сборника случайных статей на лингвистические и литературоведческие темы славистической науки. Докладчики быстро сменялись, не вызывая никаких реакций со стороны слушателей. Одни из докладчиков укладывались в положенное время (25–30 мин.), другие затягивали свои сообщения, и это сразу же отражалось на графике съезда. Поэтому, хотя работали 2 секции — лингвистическая и литературоведческая, но пришлось в последний день съезда лингвистическую секцию разбить на две подсекции, и слушатели все время перебегали из одной аудитории в другую. Поэтому на одной из лингвистических подсекций в этот последний день съезда присутствовало не больше 20–25 слушателей, и ее заседания походили на заседание какой-нибудь славяноведческой университетской кафедры.

Советская делегация представила только один доклад на специальную, индивидуальную тему. Это — был чрезвычайно интересный, возбудивший много кулуарных толков и суждений, доклад члена-корр. АН СССР М.П. Алексеева «О славянских источниках утопии “Томаса Мора”». Брошюра М.П. Алексеева (объемом 7 печатных листов), посвященная изложению этого исследования, была быстро расхватаана, а докладчик получил предложение напечатать ее в Англии⁶ и выступить еще раз с этим докладом на международной конференции по сравнительному литературоведению в Венеции.

Активная и организованная работа советской делегации отчасти объединила вокруг нее и делегации стран народной демократии (Болгарии, Польши). Необходимо отметить, что на белградском совещании вообще царил атмосфера дружественного научного сотрудничества и творческого общения. Особенно хорошо относились к нам — из капиталистических стран — делегаты Англии, Франции, Голландии, Швейцарии, Скандинавских стран.

Несколько развязным и хвастливым был тон докладов американских делегатов, которые всячески превозносили достижения американского славяноведения, темпы его развития, его связь с техническим прогрессом и успехами других наук и т.п. Однако в этих докладах не было открытых выпадов против советской науки. Пожалуй, некоторым диссонансом прозвучало выступление французского профессора Люсиани (из Бордо), который говорил о том, как стеснены и затруднительны для французских филологов непосредственные занятия в советских университетах и библиотеках, как ограничен обмен студентами и профессорами в области славяноведения (только 2 студента — француза слушали лекции в Московском университете за последние 5 лет). И т.п. Профессор Люсиани обратился ко мне с призывом и просьбой — поставить перед советским

⁶ В Англии статья не была напечатана.

правительством и перед научно-педагогическими учреждениями нашей страны вопрос о расширении и облегчении научных связей между Францией и СССР в области изучения русского и иных славянских языков и литератур.

Советская делегация имела ряд встреч и личных контактов с делегатами стран народной демократии и Югославии, с английскими, французскими, шведскими, голландскими, немецкими, итальянскими славяноведами.

Из этого общения выяснилось, что советские славистические работы недостаточно широко известны за рубежом, плохо доставляются в разные страны, что очень неудовлетворительно поставлена у нас научная информация и библиография в области славяноведения. Особенно мало советских работ по славяноведению — в Югославии. Очевидно, необходимо создать благоприятные условия не только для снабжения Югославии советской научной литературой, но и для урегулирования валютной ценности научных книг.

В день отъезда — 22 сентября я прочитал в Белградском университете в актовом зале Философского факультета лекцию на тему «Основные вопросы образования и развития русского национального литературного языка».

Итак, советская делегация, в общем, успешно выполнила стоявшие перед ней задачи, хотя и была малочисленна. В сущности, в ее составе не было специалистов по изучению западнославянских языков, а также по изучению историй южно и западнославянских литератур. Отчасти это объясняется тем, что работа в области славянской филологии у нас не концентрирована, она распределена по частям между разными институтами АН СССР, Институтом языкознания имени А.А. Потебни Академии наук УССР и Институтом языкознания Академии наук БССР.

В заключение необходимо указать на тяжелые материальные условия, в которых оказалась советская делегация по окончании Белградского совещания. Номера в гостиницах, предоставленные делегатам, с 22 сентября должны были быть освобождены. Никаких квартирных денег советским делегатам не было предоставлено. Железнодорожные расходы были исчислены по тарифу третьего класса. Это роняло престиж советской делегации. Большие деньги из суточных сумм пришлось израсходовать на оплату носильщиков, на перевозку книг и т.п. Советское посольство в Югославии (в лице посла Н.П. Фирюбина) отказалось предоставить советским делегатам взаимобразно небольшую сумму денег (15.000 динаров) на проезд из Белграда в Будапешт во втором классе, ссылаясь на то, что от Академии наук СССР ничего, кроме неприятности и беспорядка в финансовых делах, ждать не приходится.

Поэтому как поездка в Белград, так и возвращение на родину — физически были очень тяжелы и при хорошей организации могли бы быть значительно облегчены.

5.

Общие выводы:

1) Белградское совещание славяноведов было самым представительным и по количеству участвовавших в нем стран (делегации от 18 стран) и по составу, по участию в нем наиболее видных славистов мира. Поэтому с его опытом, с его решениями и рекомендациями нельзя не считаться.

2) Необходимо разработать мероприятия по подготовке к международному конгрессу в Москве в 1958 году и избрать рабочий организационный комитет съезда.

3) Необходимо определить и установить сроки созыва интернационального комитета славистов в Москве (первый созыв желателен не позднее марта — апреля 1956 года).

4) Необходимо разработать систему мероприятий по интенсивному развитию славянской филологии в СССР.

5) Необходимо организовать издание ежегодника по славянской филологии в 1956, 1957 и 1958 гг. с широким участием славяноведов из стран народной демократии и из других стран мира.

6) Надо упорядочить материальную подготовку советских делегаций и условия их жизни за границей.

Акад. Викт. Виноградов⁷

Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 26. Л. 3—13.

Отчет

О командировке на международное совещание славистов

в г. Белграде

Международное совещание славистов состоялось в г. Белграде между 15—21 сентября текущего года. Я командирован был на это совещание Президиумом АН СССР, как один из членов советской делегации, состоявшей из шести человек и возглавлявшейся акад. В.В. Виноградовым.

К назначенному дню открытия я прибыть не мог, так как самолет Москва — Белград, отлетающий из Москвы в ночь на 13 сентября, мог предоставить места только трем членам делегации из шести. Я вылетел следующим самолетом в ночь на 16 сентября и днем в этот же день был вместе с двумя членами делегации в г. Будапеште. В виду нелетной погоды принужден был остаться на ночевку. Так как прогноз погоды не обещал вылета в ближайшие дни, я с помощью Советского посольства в Венгрии выехал из Будапешта в Белград поездом 16 сентября и 17 утром был в Белграде. Таким образом мне, к сожалению, пришлось отсутствовать на открытии совещания и пропустить первых полтора дня предварительных заседаний съезда. 17 вечером я принимал участие в пленарном заседании, 18—21 в заседаниях литературной секции. 20 сентября на утреннем заседании, состоявшемся под председательством итальянского делегата проф. А. Мавера, состоялся мой доклад на тему «Славянские источники “Утопии” Т. Мора». Насколько могу судить по откликам после заседания (прения на совещании ввиду большого количества докладов и отсутствия времени были отменены) вызвал благоприятные впечатления. Я получил приглашение послать этот доклад на международный съезд по литературоведению в Венеции в конце текущего месяца. В виду невозможности лично присутствовать на этом конгрессе, я ответил согласием на любезное предложение двух членов французской делегации доложить о моем докладе на конгрессе в Венеции и передал для президиума этого конгресса несколько экземпляров печатного текста моего доклада. Кроме того, от членов английской делегации я получил

⁷ Автограф чернилами.

предложение напечатать этот доклад в переводе на английский язык в Оксфорде. Среди многочисленных членов югославской делегации, насколько могу судить, мой доклад также вызвал интерес. Обсуждение предложенной мною гипотезы состоится в Загребе и Любляне в начале октября текущего года.

В среду, 21 сентября, я председательствовал на заседании литературоведческой секции совещания, на котором читаны были доклады акад. Мраза (Братислава) и трех югославских делегатов из Белграда, Любляны и Загреба.

На конгрессе присутствовали виднейшие слависты 17 стран. Общение со многими из них и обмен книгами, оттисками, а также мнениями по различным текущим вопросам славистических изучений, с моей точки зрения, имел большое значение для всех делегатов. Советская делегация находилась в центре внимания всего совещания.

Огромное значение имело то обстоятельство, что все советские докладчики роздали участникам совещания до 200 экземпляров печатных текстов своих докладов. Большой интерес вызвала также книжная выставка, устроенная советской делегацией из книг, привезенных в дар Сербской Академии и Белградскому университету. Эта выставка могла быть организована только благодаря действенной помощи, оказанной советской делегации директором Дома Советской Культуры в Белграде А.Н. Бахаевым. Советское посольство в Югославии, однако, проявило явное равнодушие как к совещанию вообще, так и к советским делегатам, что отразилось невыгодно, к счастью, только на бытовой стороне жизни советских делегатов в Югославии. Со стороны югославских ученых, представителей города и правительственных учреждений по отношению к советской делегации проявлен был максимум заботливости и предупредительного внимания. Все делегаты были встречены с полным радушием и любезностью. Так как белградские книгохранилища сильно пострадали во время войны, а некоторые из них фактически полностью уничтожены, полагаю бы, со своей стороны, что Академия наук и университеты СССР должны оказать существенную помощь книгами для югославских академий и высших учебных заведений. Спрос на русскую книгу в Югославии очень велик и удовлетворить этот спрос с помощью советских научных учреждений и отдельных ученых важно и необходимо.

Член-корреспондент АН СССР

(М.П. Алексеев)

Копия верна:
27/IX-55 г.

Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 26. Л. 14–15.

Выписка из протокола № 16 заседание Бюро ОЛЯ
6 октября 1955 г.

Слушали: Сообщение о совещании славяноведов в Белграде

Докладывают академик Виноградов В.В., профессор В.И. Борковский и профессор А.С. Мясников

Постановили:

1) Одобрить деятельность советской делегации на совещании славяноведов в Белграде;

2) Поручить проф. В.И. Борковскому и проф. А.С. Мясникову подготовить проект постановления Президиума АН СССР, включив в проект следующие вопросы:

а) О перестройке и улучшении работы по славяноведению в системе Академии наук СССР;

б) О создании Организационного комитета для проведения подготовительной работы по созыву в Москве в 1958 году международного конгресса славяноведов;

в) О создании периодического издания по славяноведению;

г) Об улучшении библиографической работы по славянским языкам и литературам;

д) О научных командировках советских славяноведов за границу для ознакомления с научной работой по славяноведению, для работы в архивах и библиотеках.

Академик-секретарь Отделения литературы и языка

академик В.В. Виноградов

Ученый секретарь Отделения

М.Б. Козьмин

Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 26. Л. 1